

оспаривать *научную актуальность* диссертации Н.С.Коротковой. *Научная новизна* работы определяется, на наш взгляд, дополнением, расширением, уточнением и реинтерпретацией имеющихся данных о включенности мифа в романную поэтику Л.Улицкой и – главным образом – разработкой гипотезы о киноромане в прозе писательницы.

Первая глава диссертации свидетельствует о широком освоении автором критических и литературоведческих источников, посвященных проблеме мифологизма. Но наибольший интерес, разумеется, представляют параграфы 1.2 и 1.3, где Н.С. Короткова переходит к анализу мифологических мотивов, характеристике приемов неомифологизма собственно в прозе Л.Улицкой. Вполне убедительно показано функционирование сквозного образа, выстроенного у Улицкой по законам мифа, – «среднего мира»; осмыслено разделение художественного пространства на реальное и сакральное (мистическое), описаны закономерности существования персонажей в каждом из них (на примере «Казуса Кукоцкого»). Весьма удачным видится раздел о мифологических мотивах «Лестницы Якова»: в нем дано убедительное истолкование библейского сюжета о сне Иакова и символического значения заглавного образа (лестницы Якова), удачно соотнесены мифологемы воды (реки с множеством притоков) и Мирового древа в образной структуре романа, установлены смысловые связи между ветхозаветной историей Иакова и новозаветным сюжетом (предательство Генрихом Якова как повторение предательства Иуды – однако в иной, сугубо авторской аксиологической перспективе, где поступок сына-доносчика не подлежит осуждению). Размышления автора диссертации о романе «Лестница Якова» опираются на точные наблюдения, на четко прочерченные связи между композиционными элементами разных уровней, отсюда – и обоснованные гипотезы, подтверждаемые текстом, и убедительные выводы.

В характеристике повести «Сонечка» обращает на себя внимание значимое и точное наблюдение над нетривиальной ролью живописных произведений: «Живопись в романе выступает как действие сродни

мифологическому, как творение, способ производства чего-то из ничего, то есть как чудо» (с.54); убедительно показано, как начинает формироваться в прозе Улицкой «средний мир» (в «Сонечке» имеющий «творческое воплощение» (с.55) – в картинах Роберта Викторовича); с трактовкой образа заглавной героини в контексте христианского праведничества и одновременно в контексте ветхозаветной истории Лии и Рахили тоже можно согласиться. Трудно согласиться с другим тезисом: «Л.Е. Улицкая наследует традиции романа соцреализма, в котором описывается женщина, способная успешно совмещать семью, работу и общественную деятельность» (с.53). Л. Улицкую невозможно заподозрить в симпатиях к советскому строю и соцреализму; всё ее творчество, все ее интервью и публичные выступления свидетельствуют о противостоянии какой бы то ни было тоталитарной идеологии. Впрочем, автор диссертации словно бы спохватывается – и на с.57 утверждает в связи с повестью «Сонечка» уже обратное: «Именно этой повестью она начинает спор с советской литературой, ее нормативной базой, отвергая постулаты, которые в романе соцреализма были устоявшимися». Вероятно, имеет смысл довериться последнему суждению и посчитать именно его итоговым в анализе повести.

Применительно к первой главе выскажем еще одно соображение, касающееся терминологического аппарата работы. На с.21 Н.С. Короткова дает собственное определение романа-мифа, которым планирует руководствоваться в дальнейшей работе: «Роман-миф – прозаический жанр большого объема, в котором тематически или метафорически представлены элементы мифологического восприятия и описания действительности». Из этого определения не совсем понятно, почему мифологическое восприятие мира – само по себе уже предполагающее символизацию и метафоризацию – оказалось объектом «метафорического представления». Чем тогда занимается автор романа-мифа – переводом символов на язык метафор? Неудачной представляется и начальная часть определения: что значит «*тематически*» представить «*элементы мифологического... описания*»?

Обзору литературоведческих источников, посвященных изучению романа-мифа (глава 1, параграф 1.1.2), явно недостает концептуальности и системности. Н.С.Короткова очень хорошо ориентируется в разнообразных источниках, упоминает множество работ о русских и зарубежных писателях, но изложение истории вопроса больше напоминает аннотированный список статей и монографий (показательно, что все абзацы на страницах 30-32 начинаются однотипно: «Т.А. Новоселова посвящает...», «Т.А.Шарыпина рассматривает...», «Е.Д. Кадацкая концентрирует внимание...», «О.В. Побивайло дает... трактовку...», «Е.О. Белобородова концентрирует внимание...», «М.В. Магомедова реконструирует...»). Понять из такого «путеводителя» по статьям и книгам, какие *методологические* подходы в изучении романа-мифа наиболее продуктивны, какие значимые тренды существуют в отечественных и зарубежных его исследованиях, какие грани поэтики романа-мифа остаются в науке проблемно акцентированными, совершенно невозможно: на протяжении всего параграфа – нейтрально-констатирующая опись научных фактов. Категория «миф» в результате теряет берега – частные мифологические отсылки перечисляются в одном ряду с работами о мифе как миропорождающей основе творчества.

Вторая глава производит более цельное впечатление: в ней автор диссертации в большей степени сосредотачивает внимание на конкретных приемах кинопоэтики в романе «Зеленый шатер» – и описывает их с пониманием сути вопроса, с хорошо подобранными примерами, с убедительными комментариями. Элементы параллельного монтажа выделяются на уровне повествовательной организации (с.82); уместные аналогии с работой кинооператора проводятся при описании персонажных перемещений (с.84); включение читателя / зрителя в пространство произведения анализируется на примере сна Ольги (с.89-90); подробно рассматриваются все формы визуализации, которые используются Л.Улицкой в романе (от портретных деталей с повышенной интенсивностью цвета до «спецэффектов» типа транстрада или флешбэка / флешфорварда). Уместны и примеры из романа,

которыми Н.С.Короткова подтверждает свое предположение о высокой степени осознанности в обращении Л.Улицкой к приемам кино; как хороший режиссер умеет рассказывать изображением, так хороший писатель – показывать словом – и Л.Улицкая иногда подсказывает читателю, как «смотреть» те или иные повествовательные кадры.

В главе третьей, давая характеристику публицистическому началу в романной прозе Л.Улицкой, автор диссертации исходит из следующего посыла: «Реальные исторические события, на фоне которых происходит действие в романе, служат одним из способов придания тексту документального характера, связи его с жизнью и усиления публицистичности повествования» (с.128). Как следствие, основное внимание уделено историческим реалиям, прямым или косвенным указаниям на политических деятелей или известных ученых, идеологическим дискуссиям вымышленных персонажей о реальных исторических проблемах. Попутно коротко описываются признаки публицистического стиля (риторические вопросы, диалогизм). Однако такой ход рассуждения мог бы вывести и к другим тезисам – например, о соотносительности фикционального и нефикционального начала в романе «Казус Кукоцкого». А рассмотрение «Лестницы Якова» в свете связей личной / частной истории и большой Истории (Первая Мировая, революции, репрессии, Великая Отечественная война) могло бы запустить поиск в произведении жанровых примет автобиографического романа (и тогда анализ мог бы касаться не сюжетных перипетий, не фактов из историй персонажей, а повествовательной структуры текста – соотносительности «я»-повествования в письмах героев и сориентированного на точку зрения Норы нарратива в остальных частях) – но об этом вскользь сказано лишь на с.147. О жанровых приметах эпистолярного романа – а в «Лестнице Якова» значительная часть текста представляет собой письма – тоже лишь упомянуто, а интересно было бы понять, как они влияют на жанровую структуру романа с выраженным публицистическим началом (впрочем, публицистическое и документальное в параграфе о «Лестнице Якова» практически не разграничиваются).

В заключение – о некоторых библиографических лакунах, в первую очередь связанных с методологией исследования. В списке литературы и в тексте диссертации нет упоминаний книги Н.Л. Лейдермана «Теория жанра» (Екатеринбург, 2010) – хотя она очевидным образом напрашивается в качестве методологического ориентира при изучении жанровых модификаций романа XX в. Небесполезной виделась бы и книга Владимира Козлова «Русская элегия неканонического периода. Очерки типологии и истории» (2013): хотя она и посвящена исследованию поэтических жанров, общие принципы построения типологии и способы характеристики жанровых моделей могли бы представлять интерес для автора рецензируемой диссертации. В рассмотрении интермедиальных аспектов (прежде всего визуальных эффектов) прозы Улицкой могли бы помочь книга Александра Флакера «Живописная литература и литературная живопись» (2008) и диссертация М.В. Немцева «Стилевые приемы кинематографа в литературе русского зарубежья первой волны» (2004); прямым упущением видится отсутствие ссылок на монографию Ю. Лотмана и Ю. Цивьяна «Диалог с экраном» – а это в высшей степени полезное издание для любого, кто занимается изучением поэтики кинотекста (равно как и работы С.Эйзенштейна о монтаже, Д.Вертова, Андрея Тарковского, А. Митты об эстетике кино – их всех тоже нет в библиографическом списке).

Сделанные замечания не умаляют содержательных достоинств работы Н.С. Коротковой. Это состоявшееся, завершённое исследование, позволяющее осмыслить законы поэтики одного из значимых авторов XX – начала XXI в. Содержание автореферата диссертации Н. С. Коротковой соответствует основным положениям диссертации. Опубликованные статьи в достаточной степени отражают её содержание. Материалы диссертации легли в основу докладов, сделанных на всероссийских конференциях. Основные положения работы отражены в 7 статьях, три из которых опубликованы в изданиях из перечня ВАК.

Всё вышесказанное даёт основания утверждать, что рецензируемая диссертация представляет теоретический и практический интерес. Это научная

работа, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны положения, совокупность которых можно квалифицировать как значимое научное достижение, имеющее важное социальное и культурное значение, что соответствует требованиям п. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения учёных степеней» (утверждено Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. №842), предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата филологических наук, а её автор, Наталья Сергеевна Короткова, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Отзыв составлен профессором кафедры русской литературы, доктором филологических наук, профессором Кучиной Татьяной Геннадьевной, обсужден и утвержден на заседании кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского» 26 ноября 2021 года (протокол №5).

Зав. кафедрой русской литературы ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского»
проф., доктор фил. наук

И.Ю. Лученецкая-Бурдина

Подпись И.Ю. Лученецкой-Бурдиной заверяю.

Начальник управления по кадровому
и организационному обеспечению
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет
им. К.Д. Ушинского»

Л.В. Коняева

Кафедра русской литературы ЯГПУ им. К.Д. Ушинского:
150000, Ярославль, Которосльская наб., 66, ауд. 318, тел. (4852)213103,
e-mail: lucciano55@yandex.ru

Сведения о ведущей организации: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского»,

150000, Ярославль, ул. Республиканская, 108, тел. (4852) 305661, rector@yspu.org;
адрес сайта www.yspu.org.